

ОСОБЕННОСТИ РОМАНТИЧЕСКОГО СТИЛЯ ЛАВРЕНЕВА

Э. КОНДЮРИНА

За последние три года необыкновенно возрос интерес к советской литературе. Это, в свою очередь, определило характер ее изучения: больше стали обращать внимания на вопросы художественного своеобразия современной литературы. Так, на состоявшемся в марте 1959 г. совещании по вопросам социалистического реализма центральной стала проблема соотношения метода и стиля. Была единодушно признана важнейшей задача изучения стиливого богатства советской многонациональной литературы.

Нельзя сказать, что до сих пор не уделялось внимание вопросам стиля. В русской советской литературе преимущественно изучался романтический стиль. Стало общепризнанным положение о романтическом характере литературы периода гражданской войны, а в работах последнего времени обращено внимание на своеобразие социальной природы романтизма этого периода. Л. И. Тимофеев видит его в том, что «романтические тенденции в своей основе вытекают из самой жизни, из характера и природы пролетарской революции, начавшей сложный и трудный марш человечества к социализму»¹. То есть, речь идет о таком романтизме, который рождается не из противопоставления мечты действительности, а из сознания, что «уже в самой действительности начинает реально воплощаться то представление об идеале, те цели, к которым стремится писатель»².

Романтическая тенденция в литературе 20-х годов изучена намного меньше. В статье А. С. Бушмина «О ранней советской прозе» писателями революционной романтики названы Малышкин, Вс. Иванов, Лавренев с его повестью «Ветер» отнесен к литературному течению, которое «выдвигало на первый план и гиперболизировало стихийную сторону событий, обнаруживая недостаточное или неверное понимание сущности и задач революции»³. О стиливых особенностях этого течения А. С. Буш-

¹ История русской советской литературы, М., 1958, стр. 158.

² Там же, стр. 158.

³ Вопросы советской литературы, т. 1, М.—Л., 1953, стр. 40. Критик В. Ермилов также считает «Падение Дaira» произведением «героической романтики» (О традициях советской литературы, М., 1955, стр. 10).

мин не говорит. Литературовед Г. Н. Ратманова считает и Лавренева романтиком. Она говорит о целостной эстетической программе писателя⁴, выразившейся в том, что «обыкновенный человек, рядовой человек с судьбой и биографией, типичной для многих миллионов людей, изображается Лавреневым только как герой, только как личность сильная»⁵.

Эта кажущаяся несовместимость точек зрения объясняется различием в подходе исследователей к творчеству Лавренева. Г. Н. Ратманова останавливается на особенностях стиля писателя. А. С. Бушмин ограничивается характеристикой идейной направленности произведения. Игнорирование стилевых особенностей повести «Ветер» привело А. С. Бушмина к неверной, на наш взгляд, идейной оценке ее.

В статье Г. Н. Ратмановой сделаны первые шаги в изучении романтического стиля 20-х годов. Отнеся Лавренева к числу романтиков, автор, к сожалению, ограничивается анализом стилистических особенностей произведения писателя и не ставит вопроса о романтическом стиле 20-х годов.

В предлагаемой статье делается попытка выявить некоторые особенности романтического стиля 20-х годов на материале произведений Лавренева «Ветер», «Рассказ о простой вещи», «Сорок первый».

* *
*

В один год с рассказами Лавренева были созданы «Железный поток» Серафимовича, «Города и годы» Федина, несколько раньше «Чапаев» Фурманова. Все это — произведения о гражданской войне, но разные по стилю. Лавренев, как Фурманов, Серафимович, обращается к героям гражданской войны. Его эстетический идеал не противостоит действительности революции. Прекрасных людей он видит среди революционного народа. Это «Балтийского флота первой статьи минер Гулявин Василий»⁶, председатель губчека Орлов, боец Марютка Басова, что «с семилетнего возраста 12 годов просидела верхом на жирных от рыбьих потрохов скамье»⁷.

Лавренева, как и Фурманова, интересует не народная масса в целом, а личность. Но их эстетические идеалы в своем конкретном содержании отличаются.

У Фурманова прекрасен человек, осознавший свою связь с миром и перестраивающий этот мир. Его Чапаев — талантливый человек из народа, поднявшийся в годы гражданской войны до сознательного творчества истории. О новом типе романтизма, который «возникает на почве сознания человеком его связи с миром и ощущения своей творческой силы, вызванной этим сознанием», — писал М. Горький еще в годы ре-

⁴ Вестник Ленинградского университета, 1957, № 20, стр. 149.

⁵ Там же, стр. 151.

⁶ Б. Лавренев. Страницы незабвенных лет, М., 1957, стр. 6 (в дальнейшем — Лавренев).

⁷ Там же, стр. 69.

акции⁸. Тогда он связывал этот «романтизм коллективизма» с психологией пролетариата. В годы гражданской войны он становится характерным и для других классов. Фурманов, как и Горький, видел романтическое начало в революционном самосознании народа.

Герои Лавренева — из числа тех, кто арестовывал Временное правительство, командовал полками Красной Армии, руководил контрразведкой. Однако писателя меньше всего интересует, как человек из народа сознает себя в роли руководителя, хозяина жизни. Это как бы само собой разумеющееся. Все внимание сосредоточено на отношении героя к революции, поэтому прекрасной становится личность, способная к героическому самопожертвованию. У Орлова, приговоренного к расстрелу, есть возможность умереть спокойнее, но он отказывается: «В эту минуту меня интересует не моя личность, а наше дело. Мой расстрел, когда о нем станет известно, будет лишним ударом по вашему гниющему миру... А если я тихонько протяну ноги здесь, это даст повод сказать, что неумевший провести порученную ему работу Орлов испугался и отравился...»⁹. Гулявин всегда стремится в самые опасные места: не может спокойно спать, когда началась революция, не хочет работать в совнархозе, когда по стране гуляет «ветер, который бросает в пространство воспламененные гневом и бунтом тысячи»¹⁰.

Чапаев прекрасен как мастер революционного дела, сформировавший четырнадцать дивизий и не потерпевший ни одного поражения. Клычков вызывает восхищение читателей умением перевоспитывать людей. Герои Лавренева удивляют своим отношением к революции, готовностью пожертвовать для нее всем.

Как видим, эстетический идеал Лавренева является выражением не социалистического, а демократического гуманизма. С таких позиций в 20-ые годы изображали гражданскую войну Федин, Леонов. Они создали произведения реалистического стиля, потому что обратились к изображению тех, кто не хотел или не мог «стать в круг» (Федин). Лавренева же интересовали активные участники революции. Это определило особенности его стиля.

* *

*

Лавренев-прозаик тяготеет к драматургическим принципам раскрытия характеров. Это выражается в сюжетности его произведений, в умении выбрать драматические ситуации в драматическом принципе языковой характеристики. Поэтому незначительна роль портрета. Обычно он дается раз, в начале произведения.

Скулы каменные торчат желваками и глаза с дерзиной. На затылке двумя хвостами бьются ленты и спереди через лоб золотом: «Петропавловск». Грудь волосами в разрез голландки...¹¹

⁸ М. Горький. История русской литературы, М., 1939, стр. 70.

⁹ Лавренев, стр. 267.

¹⁰ Там же, стр. 42.

¹¹ Там же, стр. 6.

Лицо у Евсюкова сызмалетства тоже малиновое, в рыжих веснушках, а на голове вместо волоса нежный утиный пух.

Если добавить, что росту Евсюков малого, сложения сбитого и представляет всей фигурой правильный овал, то в малиновой куртке и штанах похож — две капли воды — на пасхальное крашеное яйцо.

На спине у Евсюкова перекрещиваются ремни боевого снаряжения буквой «Х», и кажется, если повернется комиссар передом, должна появиться буква «В».

Христос воскрес!¹²

Марютка — тоненькая тростиночка прибрежная, рыжие косы заплетает венком под текинскую бурую папаху, а глаза Марюткины шальные, косо прорезанные, с желтым кошачьи огнем¹³.

Как видим, портрет Лавренева романтический. Он в самых общих чертах отражает героический характер: каменные скулы, глаза с дерзиной, шальные глаза. Это передает главным образом отношение автора к герою: насмешливо-любовное к Евсюкову, нежное к Марютке, героически-возвышенное к Гулявину.

Романтический портрет Лавренева несколько отличается от портрета в романтической литературе прошлого. У Пушкина и Лермонтова он чаще всего служил средством передачи национального колорита. Портрет у Горького был фантастическим. Он не столько героя характеризовал, сколько воображение рассказчика.

Герои Лавренева взяты из реальной жизни. Это определило новизну портретной характеристики. Писатель стал передавать колорит времени в портрете, что выразилось в выделении некоторых романтических деталей быта: бескозырка, папаху на голове женщины, кожаная куртка.

В романтических произведениях прошлого язык героя являлся только средством эмоциональной типизации. У Пушкина и Лермонтова язык героя и повествователя не различался.

В произведениях Горького, кроме повествователя, введен рассказчик — Макар Чудра, Изергиль, Рагим, — осознаваемый как человек иной социальной среды. Поэтому Горький должен был индивидуализировать язык. Для характеристики языка рассказчика обычно использовались средства поэтического языка народа, никогда не утрачивавшего социальной окрашенности.

У Лавренева в языке героя в первую очередь типизировано психологическое состояние. Речь Гулявина всегда взволнованная, напряженная. Он не говорит, а почти кричит: спорит, командует.

Молодец, братишка! Язви тебя в душу! Ты меня прости: не очень все время тебе верил. Поглядывал, так на всякий случай, не придется ли тебе свинца запустить в шишки. А теперь вижу, какой ты парены!¹⁴

Ну, баста! Завтра наступать! А теперь на боковую. Можно выдохнуться. Немцы далеко!¹⁵

¹² Лавренев, стр. 68.

¹³ Там же, стр. 69.

¹⁴ Там же, стр. 24.

¹⁵ Там же, стр. 26.

Языковая характеристика в «Сорок первом» тоньше передает состояние говорящего.

Какие такие ваши секретные поручения, господин офицер? Надлежит вам рассказать все без утайки, как вы есть в плену у красных бойцов, и я командующий комиссар Арсентий Евсюков.

Вскинулись на Евсюкова поручичи ультрамариновые шарик.

Ухмыльнулся поручик, шаркнул ножкой.

— Monsieur Евсюков?.. Оч-чень рад познакомиться! К сожалению, не имею полномочий от моего правительства на дипломатические переговоры с такой замечательной личностью.

Веснушки Евсюкова стали белее лица. При всем отряде в глаза смеялся над ним поручик.

Комиссар вытащил наган.

— Ты, мошь белая! Не дури! Или выкладывай, или пулю слопаешь!

Поручик повел плечом.

— Балда ты, хоть и комиссар! Убьешь — вовсе ничего не слопаешь¹⁶.

Новаторство Лавренева выразилось в том, что он стал передавать в языке героев колорит времени. Потому языковая характеристика у него социально дифференцирована. В рассказах Лавренева ощущается две языковые струи: язык интеллигенции и народа. Речь Говорухи-Отрока и бывшего офицера, а теперь начальника штаба матросского полка Строева, одинакова.

Мое мнение, что к северу идти незачем. Пока мы успеем добраться до Харькова, его займут немцы. Нужно будет пробиваться на Воронеж, а оттуда, по сведениям, жмет казачина. Нам один путь — в Севастополь!¹⁷

Разными словами, а выходит одно и то же. И сейчас мне кажется: хорошо б никуда не уходить с этого нелепого, горячего песка, остаться здесь навсегда, плавиться под мохнатым солнцем, жить зверюгой радостной¹⁸.

Как видим, речь этих героев различна только по содержанию, а лексика однотипная.

Так же одинаков язык Гулявина, Евсюкова, Марютки с точки зрения социальной характеристики. «Точно сказать невозможно, но ежели рассуждать по всем обстоятельствам, то без большого столкновения не обойтись», — отвечает Гулявин на вопрос барышни¹⁹. «Восподь!.. Доколе тебе говорить, что нет никакого воспода, а на все своя физическая линия», — поучает Евсюков своего бойца²⁰. «Так то ж мост. Для его арихметику надо произойти, разные там анжинерные хитрости. А стихи у меня с люльки в середке закладены», — защищается Марютка в споре с поручиком²¹.

Во всех случаях это язык полуграмотного человека периода революции, когда много «образованных» слов проникло в лексику народа. Морские словечки Гулявина, ругательство Марютки «рыбья холера» так-

¹⁶ Лавренев, стр. 77.

¹⁷ Там же, стр. 26.

¹⁸ Там же, стр. 102.

¹⁹ Там же, стр. 10.

²⁰ Там же, стр. 74.

²¹ Там же, стр. 84.

же передают социально-профессиональный колорит. Распространенная у Лавренева так называемая испорченная лексика в большей степени служит эмоциональной, нежели социальной, характеристикой. Широко используется писателем орнаментальная проза. Она способствует созданию определенной эмоциональной атмосферы, косвенно же позволяет судить о времени, вколыхнувшем людей разных наций.

Уй-бай... плоха делал... Киргиз верблюда жить нада. Киргиз без верблюда поминать пошел. Твоя, бай, так не делай. Твоя деньга хотит — наша дает. Серебряна деньга, царская деньга... киренка бумаж...²²

Иди! От революции дезертировать не могишь²³.

Самая главная особенность языка героев Лавренева — передача политического содержания революции. По языку мы можем конкретно представить не только время действия, но и место героя в политической борьбе.

Товарищ Сонин!.. Чего вы это мне офицера дали? Что, я сам не справлюсь? Не доверяете разве?

— Не дури, Гулявин! Начальник штаба нужен с башкой. Сам знаешь!

— Что-то больно чудная волюнка. Офицер советский! А если продаст, кто в ответе будет?²⁴

Чего хотят эти люди? В варварской азиатской стране водворить социализм? Безумие, безумие! Мы имеем пример нашей великой революции. Ее делали величайшие умы в стране, которая всегда была светочем для человечества. И что же? Они отказались от социализма, как от бессмысленной утопии. А у вас?.. О мой бог! Социализм у калмыцких орд?²⁵

— Ведь она идет просто грабить. Для нее все это, чем мы горим: революция, борьба — только богатый гость, которого удобно обобрать, — говорит Строев об атаманше Лельке²⁶.

В предместье какой-то подлец старуху застрелил из-за копеечных серег. Это взволновало рабочих. Говорят, что советские войска — бандиты. Я тебя предупреждал!²⁷

Как видно, в языке героев передается самое животрепещущее, политическое содержание революции. Лавренев идет дальше Горького в социальной индивидуализации языка.

Однако языковая характеристика находится в известном противоречии с сюжетными ситуациями произведений. Активные участники революции показаны в так называемых вечных ситуациях: любовь, смерть.

Фурманов в основу сюжета положил боевые дела чапаевской дивизии. Это позволило ему человека из народа представить как военачальника, стратега, организатора советской власти, воспитателя бойцов. То есть, его герой раскрывался в обстоятельствах, характерных для эпохи революции.

Сюжет у Лавренева, с точки зрения его типичности, не может быть объяснен временем. Он скорее подсказан литературой. В «Ветре» цент-

²² Лавренев, стр. 75.

²³ Там же, стр. 80.

²⁴ Там же, стр. 23.

²⁵ Там же, стр. 243—4.

²⁶ Там же, стр. 30.

²⁷ Там же, стр. 29.

ральным является эпизод появления атаманши Лельки в отряде Гулявина. Лавренев приспособливает известный литературный мотив «Нас на бабу променял» к передаче характерного для действительности первых лет революции. Гулявин говорит Строеву, что хочет перевоспитать Лельку, но самого перевоспитания не показано. Главным становится изображение «ропота», расправы с атаманшей. В «Сорок первом» — Марютка и пленный офицер попадают на безлюдный остров. Классовые враги оказались в положении людей, которым одинаково трудно переносить голод, холод, одиночество. Любовь к поэзии и молодость сближают их.

Однако эти не типические ситуации служат только средством передачи типичных для революции чувств. Гулявин полюбил Лельку за удаль — убивает за бандитизм. Бесстрашие Гулявина, прыгнувшего «на вытянутые жала штыков», порождено ненавистью к врагам. Через любовь к врагу и проверяется чувство революционного долга в «Сорок первом». Марютка стреляет в любимого, когда видит, что он уходит к белым. Орлов выдает себя за француза с целью сбора сведений для партии.

Выбирая сюжетные ситуации, характерные для романтических произведений прошлого, Лавренев тем самым мог показать нового человека только как личность и только в сфере чувства. В повести «Ветер» ощущение героического достигается изображением не результатов труда человека, а пережитого. Героическими становятся чувства.

Затрясся Гулявин, от злобы почернел, шагнул и кулаком смоленным по румяной инженерской щеке²⁸.

...А Гулявин — как бешеный, и у рта пена кипит: «Молчать... Гадюка! Забью!» Шахрахнулись даже кони от зверьего крика²⁹.

Движение в сюжете также связано с передачей чувств героя. Марютка от презрения к кадету, «кавалеру чумелому», через удивление, что барин может стихи понимать, и сострадание к больному приходит, наконец, к любви. Гулявину вначале дороги революция и женщины. После гибели Строева — только революция.

Эмоциональность лавреневского изображения героев определяется не только вниманием писателя к чувствам, а самим принципом композиции образов и произведения в целом. Герой раскрывается через отношения к окружающим. Он обычно контрастно противопоставлен другим персонажам, контрастность присуща и смене чувств. Это придает напряженность эмоциональной атмосфере произведений. В «Рассказе о простой вещи» Орлову, который даже умереть хочет с пользой для революции, противопоставлен поручик Соболевский, мечтающий перевести «сто тридцать миллионов на удобрение». Полуграмотной Марютке, у которой буквы в падучей клонятся — филологически образованный поручик. «Время не такое, чтобы на печке сидеть. Там наши, поди, бьются, кровь проливают. Каждая рука на счету. Не могу я в таком случае в

²⁸ Лавренев, стр. 15.

²⁹ Там же, стр. 32.

покое прокладаться. Не затем армейскую клятву давала», — отвечает Марютка на рассуждения поручика о блаженстве биологического существования³⁰.

Контрастны и чувства героев. Марютка от ненависти к белому офицеру приходит к любви и снова к ненависти. В Гулявине раскрывается два противоположных чувства — любовь к революции и ненависть к ее врагам.

Таким образом, Лавренев изображает типические переживания, а не характеры, и, поскольку они не объяснены действительностью, нельзя говорить о реализме. На произведениях Лавренева мы убеждаемся, что с позиций демократического гуманизма новую действительность можно утверждать только романтически. Это искусство было не слабее социалистического реализма по силе эмоционального воздействия, но уступало ему в познании закономерностей и целенаправленности эмоционального воздействия. Условием развития социалистического реализма в творчестве Лавренева являлось конкретное понимание исторической действительности, что было возможно на позициях нового мировоззрения. В произведениях 1924 г. можно наблюдать некоторые элементы реалистического стиля.

Гулявин и против анархии выступает, и сам совершает анархические поступки. Все это одинаково поэтизируется писателем. Видимо, в представлении автора кара Лельке справедлива, но и бегство Гулявина из совнархоза — не преступление. Политически зрелый Строев лишен поэтического ореола, а часто нарушающий дисциплину Гулявин — герой.

В «Сорок первом» положительными героями показаны люди с высоко развитым чувством долга — Марютка, Евсюков. Такими они остаются до конца.

Образ Марютки не только психологически тоньше разработан, но и глубже раскрывает реальную действительность. В нем обобщено чувство революционного долга.

Принцип контрастного противопоставления персонажей в «Ветре» и «Сорок первом» проявляется по разному. Гулявин противопоставлен своей среде, и тем самым достигается ощущение исключительности личности. Марютка и поручик — люди разных классов, поэтому исключительные качества героини предстают мотивированными, приобретают характер типических.

Особенности стиля Лавренева едва ли можно считать только индивидуальными. Думается, новаторство писателя — передача колорита времени — рождено эстетическими свойствами действительности. И в то же время нельзя не заметить различия в стиле «Падения Даира», «150 000 000» и «Ветра», «Сорок первого», романтических новелл «Кон-армии». Первый рождался на почве романтического отказа от личности, восхищения массой, «множествами»; второй объяснялся восхищением личностью, противостоящей массе. Романтика тех и других была одно-

³⁰ Лавренев, стр. 102.

сторонней. Отсюда и особенности стиля. Одни писатели использовали опыт старой литературы, другим приходилось искать новые формы, ибо народные массы не были героями романтических произведений прошлого.

B. LAVRENIOVO ROMANTINIO STILIAUS YPATYBĖS

E. KONDIURINA

Reziumė

Straipsnyje nagrinėjami B. Lavreniovo romantinio stiliaus kūriniai — „Vėjas“, „Pasakojimas apie paprastą daiktą“, „Keturiasdešimt pirmas“.

Tarybinis literatūros mokslas dar nėra pakankamai plačiai nagrinėjęs romantinio stiliaus problemas. Tai apsprendė ir pagrindinį šio straipsnio uždavinį: patyrinėti B. Lavreniovo estetinio idealo ir stiliaus savitumą.

Estetinis idealas neprieštarauja tikrovei, ir jo savitumas aiškinamas, lyginant jį su socialistinio realizmo menininkų estetiniu idealu. Lyginant B. Lavreniovą ir D. Furmanovą, matyti, kad romantinis stilius dvidešimtųjų metų literatūroje atsiranda, teigiant revoliucinę tikrovę iš demokratinio humanizmo pozicijų.

B. Lavreniovo meninių paveikslų kompozicijos bei jo veikalų analizė ir gretinimas su Puškino, Lermontovo, Gorkio romantinio stiliaus principais leidžia parodyti šio rašytojo romantinio stiliaus novatoriškumą. Kadangi jo estetinis idealas neprieštarauja gyvenimo tikrovei, B. Lavreniovas savo herojų kalba ir portretais galėjo perteikti koloritą.
